

ФАНТАСТИКА И ГРОТЕСКНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ У ГОГОЛЯ

Кривонос В. Ш.

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, проф.

Статья посвящена особенностям взаимосвязи фантастики и гротескной реальности в «Записках сумасшедшего» Гоголя, не привлекавшим ранее внимание исследователей. Автор доказывает, что фантастическая логика безумного героя соответствует логике нарративного гротеска и состоянию гротескной реальности. Взаимодействие фантастики и гротескной реальности рассматривается как один из наиболее существенных для смысловой организации повести факторов.

Ключевые слова: Гоголь, записки, логика безумия, фантастика, гротескная реальность.

Взаимосвязь и взаимодействие фантастики и гротеска – одна из важнейших проблем поэтики Гоголя. Попытаемся это показать на примере «Записок сумасшедшего», недаром названных повестью «гротескно-фантастической» [1; 154]. Здесь, как и в таком гоголевском гротеске, как «Нос», «все передвинуто в план игры фантастики и реальности» [2; 84], причем реальности гротескной. Взаимодействие гротескной ре-

альности и фантастики относится к числу факторов, наиболее существенных для смысловой организации истории, рассказываемой безумным героем.

Обратимся к взаимосвязанным эпизодам, содержащим рассказ Поприщина об услышанном им разговоре двух собак: Меджи, принадлежащей директору департамента, где он служит, и Фидель, чья хозяйка, как специально проследил герой, живет в «доме Зверкова» [3; 195-196], куда он позже наведается, а также рассказ о письмах, которые писала к Фидель Меджи. Уловив сначала «тоненький голосок» одной из «собачонок» и услышав затем другую, тоже «говорящую по-человечески», Поприщин «очень удивился» и спросил себя, «не пьян ли» он, хотя с ним это «редко случается» [3; 195]. Восприятие им собачьего разговора сродни спонтанной реакции Ковалева на пропажу носа: «Это, верно, или во сне снится, или просто грезится; может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку, которою вытираю после бритья себе бороду» [3; 65]. Оба героя прибегают поначалу к напрашивающейся версии происходящего, от которой сразу же отказываются, убедившись, что нос действительно исчез, а собаки продолжают беседовать.

Повествователь в «Носе» видит в изложенном им сюжете «много неправдоподобного», но готов признать, *поразмыслив*, что «подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают» [3; 75]. Поприщин утверждает по сути то же самое, ссылаясь на дошедшие до него слухи и известные ему газетные

публикации: «Но после, когда я сообразил всё это хорошенько, то тогда же перестал удивляться. Действительно, на свете уже случилось множество подобных примеров. Говорят, в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить и еще до сих пор ничего не открыли. Я читал тоже в газетах о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю» [3; 195].

Ссылки на *подобные происшествия* и на *множество подобных примеров* воспроизводят образ мира, где алогичные утверждения подаются как достоверные, а фантастические события воспринимаются как возможные. Так, абсурдным выглядит вывод Поприщина, пораженного, что собаки не только умеют разговаривать, но еще и состоят в переписке: «Я еще в жизни не слыхивал, чтобы собака могла писать. Правильно писать может только дворянин» [3; 195]. Два рядом стоящих суждения, кажущиеся герою истинными, не то что противоречат друг другу, но логически и причинно-следственно одно с другим не связаны. Про говорящих животных герой где-то слышал и что-то читал, но о способности собаки писать слышит впервые. Если следовать за его аргументацией, то собака, в отличие от дворянина, не умеет писать *правильно*, следовательно, не умеет писать вообще.

Используя типичный для хода его мысли «перенос по аналогии» [4; 66], герой прибегает к логическому произволу. Содержание и выражение поприщинского

умозаключения образуют, как это обычно и происходит у Гоголя в сходных случаях, «гротескно несомещенные планы» [5; 442]. Причем Поприщин и *после* не может даже сообразить *хорошенько* (примеров, взятых из слухов или из газет, он на сей раз не приводит), чтобы перестать *удивляться*, так как собака способность писать все-таки демонстрирует. Решив «захватить» переписку, чтобы узнать из нее «всё» или «кое-что» [3; 200] про дочку директора, в которую он влюблен, Поприщин похищает «небольшую связку маленьких бумажек» [3; 201] и обнаруживает, что Меджи действительно переписывается с Фидель, хотя и пишет не так, как положено дворянину: «Начнет так, как следует, а кончит собачиною» [3; 203]. Что не опровергает, тем не менее, самого факта переписки.

Переписку эту обычно рассматривают как продукт воображения Поприщина; полагают, «что она от начала до конца выдумана им самим, уже погружающимся в безумие» [6; 177]. То есть письма, приписанные собакам, он сам и сочинил, стало быть, и переписку не похищал. Между тем, как было замечено, «стремление во что бы то ни стало видеть в нем “автора” этой “переписки” не подкрепляется фабульным материалом» [2; 98]. Поприщин, согласно фабуле записок, письма именно похитил – и переписка, как и ее похищение, есть такая же часть гротескной реальности, как, например, пропажа носа и его появление в виде статского советника. Ковалев, недоумевая, как

такое могло произойти, обращается к сбежавшему носу, принявшему новый облик: «Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место» [3; 55]. Похищение Поприциным собачьих писем, как и встреча Ковалева с собственным носом, происходит в гротескной реальности, где разворачиваются рассказываемые истории, отличающиеся, правда, тем, что Ковалев в своем уме, а Поприцин безумен. Однако гротескная реальность и в «Носе», и в «Записках сумасшедшего» устроена совершенно сходным образом.

Гоголь, как известно, вовсе не стремится придать гротескным картинам «характер вероятности и правдоподобия», но «преследует задачу совершенно противоположную: изобразить невероятное и неправдоподобное» [7; 274]. Нос сбежал от Ковалева и обернулся статским советником, потому что гротеск допускает такого рода фантастические метаморфозы; собаки разговаривают и переписываются, что в принципе не должно удивлять, так как гротеск отменяет правдоподобие. Рассказ о переписке собак, обнажая очевидное умопомешательство героя, характеризует и значимые свойства гротескной реальности, об устройстве которой безумный Поприцин ничего не знает, хотя и описывает ее изнутри.

Признаки настигшего Поприщина безумия отмечены уже в первой записи, где приводится обращенный к герою вопрос начальника отделения, отчего у него «в голове всегда ералаш такой» [3; 193]. Он и

сам признается, что «с недавнего времени» начинает «иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал» [3; 195]. Окончательную же форму его сумасшествие принимает тогда, когда он «входит в роль короля и стирает свою прежнюю идентичность» [8; 62]. Впрочем, прежняя идентичность, будучи такой же миражной, как и новая, так до конца и не стирается; смена знакового статуса обозначает лишь направление, в каком развивается поприщинское безумие, и какую логику оно манифестирует. Было высказано мнение, что именно логика безумия – как внутренняя логика записок – позволяет связать воедино отдельные образы, заполнившие распадающееся сознание героя [9; 133]. Суть, однако, в том, что логика безумия героя, указывая на расстройство его мышления, соответствует в «Записках сумасшедшего» логике нарративного гротеска.

Поприщин безумный, но нисколько не лжец; находясь в бреду, он, как и всякий безумный в его ситуации, «говорит *правду*» [10; 131]. *Правду* о том, как сумасшедший воспринимает и видит мир. В записках обнаруживаются разные виды бреда, окрашивающего переживания и представления героя (см. о видах бреда: [11; 220-222]). Это и бред отношения (относит к себе то, что написано в газетах, из которых узнает, что в Испании «нет короля» [3; 207]), и бред ущерба (считает, что начальник отделения ему «вредит да и вредит, на каждом шагу вредит» [3; 205]), и бред преследования (оказавшись в *Испании*, подозревает

Полиньяка, французского министра, будто поклявшегося «вредить» ему «по смерть», что «вот гонит да и гонит» [3; 213]), и бред величия («В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я» [3; 207]), и любовный бред (превратившись в *испанского короля*, заявляет директорской дочке, «что счастье ее ожидает такое, какого она и вообразить себе не может» [3; 209]).

Герой живет внутри своего бреда, порождающего фантастические картины, принимаемые им за действительность. Образы его безумной фантазии, как это случается с теми, кого посещают галлюцинации, действительно «достигают поразительной пластичности» [12; 60], словно дело идет не о расстройстве восприятия, но о реальности. Это и есть гротескная реальность, в которой происходят до того невероятные события, что их, как представляется, можно объяснить лишь бредом и галлюцинациями. Существенно, однако, что Поприщин не ведет *записки сумасшедшего*; заглавие повести принадлежит автору, а не герою, который сумасшедшим себя не считает. Так, похитив переписку, он пишет, что глупая «девчонка», впустившая его в квартиру, приняла его «за сумасшедшего, потому что испугалась чрезвычайно» [3; 201]. Узнав же, что он *испанский король*, Поприщин не понимает, как мог «думать и воображать себе», что он «титularный советник»: «Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом» [3; 207-208]. Мышление героя алогично, но са-

тому ему кажется, что алогичен мир, где перевернуты представления о безумии и норме. Его рассуждения гротескны, но гротескна и реальность, которую он описывает, прибегая к подобным рассуждениям.

В гротеске «субъект открывает в себе объектность, глядя на свое зеркальное отражение» [13; 154]. Таким отражением как раз и служит для Поприщина восприятие «девчонки», увидевшей в нем сумасшедшего, каковым он себя не признает и с кем он себя не отождествляет. Вообще же нарративная конструкция выстраивается так, «что Поприщин как будто отражается в разных зеркалах, при том что главным зеркалом являются его собственные записки» [4; 70]. Частью этого *главного зеркала* является и переписка собак. В письмах Меджи Поприщин действительно отражается, как в зеркале, которое, однако, как и в случае с «девчонкой», кажется ему кривым; он не узнает себя в чиновнике, названном «уродом» и «черепашей в мешке»: «Какой же бы это чиновник?..» [3; 204]. Догадавшись все же, о ком идет речь, он рвет все *бумажки* «в клочки», будто разбивает зеркало, искажившее его облик: «Мне кажется, что эта мерзкая собачонка метит на меня. Где ж у меня волосы, как сено?» [3; 205].

Демонстрируя Поприщину его изображение, с возмущением им отвергаемое, письма удваивают и раздваивают его образ. Точно так же образ этот удваивается и раздваивается в нарративной конструкции записок, где Поприщин, обнаруживая явные признаки

сумасшествия, не замечаемые только им самим, но очевидные для окружающих, выполняет роль гротескного субъекта, «я» которого «строится на переходе границ между разными сознаниями» [14; 52]. Переходы эти выявляют и подчеркивают неопределенность поприщинского «я», чье двоение и порождает нарративный гротеск. Наиболее резко фантастическое двоение проявляется тогда, когда в речи героя, повествующего от первого лица, маркируются переходы между сознанием титулярного советника, каковым он остается, и сознанием *испанского короля*, каковым он себя воображает: «Нет, приятели, теперь не заманите меня; я не стану переписывать гадких бумаг ваших!» [3; 208]. Явившись все же «для штуки» в департамент, он садится «на свое место» и смотрит «на всю канцелярскую сволочь», которая не знает, кто между ними «сидит» [3; 208]. На бумаге же, которую ему «подсунули» на подпись, он «на самом главном месте, где подписывается директор, черкнул: Фердинанд VIII» [3; 209].

Перволичная форма повествования задает «презумпцию достоверности» [15; 347]. Нарративный гротеск, отмеченный алогическими сдвигами в речи героя и нарастанием абсурда в восприятии им происходящего, разрушает эту презумпцию, маскируя и в то же время подчеркивая и без того зыбкую границу между ипостасями его деформированной личности. По наблюдениям исследователя, Поприщин «пытается выговорить свою личность», но «“я” Поприщина

не выговаривается в его записках. В этом и состоит гротеск этой повести Гоголя – можно сказать, гротеск самой этой формы *Ich-Erzählung* в гоголевском ее варианте» [16; 2008]. Хотя Поприщин и говорит от *первого* лица, но на самом деле не знает, от чьего же именно *лица* он говорит. Обитая в пространстве знаковости, которое оборачивается для него пространством бессмысленности, он задает себе вопросы, диктуемые его проблематичным статусом: «Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником? Может быть я сам не знаю, кто я таков» [3; 206]. Трансформация статуса не приводит, однако, к трансформации «я», остающегося, как и вновь обретенный статус, проблематичным вплоть до финала записок.

Поприщинские записки прежде всего «демонстрируют то, что происходит с самим пишущим»; для понимания смысла повести это важнее того, что он «говорит» [17; 614]. Говорит же он о том, что его самоощущение несовместимо с чином титулярного советника, почему он и не может идентифицировать себя с этим чином. А происходит с ним следующее: он разговаривает в записках с самим собой, но не знает, кто он *таков*, то есть с кем он разговаривает. Поприщина обычно определяют как маленького человека [18; 178], но в нем можно видеть и ресентиментного человека, которого отличают чувство собственной

неполноценности и сознание своей социальной ущербности. Ему кажется, будто он проживает не свою жизнь, тогда как он совсем не тот, за кого его принимают; отсюда стремление «избавиться от себя», чтобы проникнуть в «высоко ценимое *чужое* пространство» [19; 306]. С одной стороны, ему хочется узнать, что *эти господа* «делают в своем кругу» [3; 199], с другой – он желает самому «сделаться генералом», чтобы отомстить директорской дочке и ее избраннику за пренебрежение, сказав, что *плюет* на них «обоих» [3; 205].

Сумасшествие героя, при всем значении для него чина, связано прежде всего с редукцией его человеческого значения. Как говорит ему начальник отделения: «...ведь ты нуль, более ничего» [3; 197-198]. Поприщин потому и озабочен поиском своего знакового статуса, до определенного времени ему неизвестного, что сознает фиктивность собственного существования в качестве *нуля*. Между тем в гротескной реальности статус этот может измениться и открыться совершенно неожиданно и внезапно: «Вдруг, например, я вхожу в генеральском мундире: у меня и на правом плече эполета и на левом плече эполета, через плечо голубая лента – что? как тогда запоет красавица моя? что скажет и сам папа, директор наш?» [3; 206]. Если нет ничего невероятного в том, что собаки могут разговаривать и переписываться, то возможна и фантастическая метаморфоза, вообразившаяся герою, не подозревавшему о своем безумии.

Было отмечено, что пространство у Гоголя «в любой момент может трансформироваться непредсказуемым образом; не имея лица, оно предстает в виде различных обличей» [20; 18]. Эта характеристика вполне приложима к гротескной реальности, в которой обретается Поприщин, тоже не имеющий своего лица и произвольно меняющий собственные воображаемые обличия, пока не натягивает на себя – в результате мгновенной инициации – сумасшедшую маску *испанского короля*: «Признаюсь, меня вдруг как будто молнией осветило» [3; 207]. Мифология молнии раскрывает суть случившегося с героем внезапного озарения: он становится не просто *испанским королем*, но «новым человеком» [21; 23], приобретающим «дар особой зоркости» [21; 24]. Ср.: «Теперь передо мною всё открыто. Теперь я вижу всё как на ладоне» [3; 208]. В это безумное «всё» включаются все новые и новые его *открытия*: «До сих пор никто еще не узнал, в кого она влюблена: я первый открыл это. Женщина влюблена в чорта» [3; 209]; «Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства» [3; 211-212]; «Впрочем за всё это вознаградило меня нынешнее открытие: я узнал, что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями» [3; 213].

Нарративная история развивается в «Записках сумасшедшего» посредством серии взрывов, обнажающих развитие как логики безумия, так и логики гро-

теска. «Взрыв происходит 1) из открытия некоторой истины отвлеченного типа, 2) из открытия истины о себе» [22; 336]. Каждый новый взрыв раскрывает гротескный характер очередного безумного открытия, совершаемого субъектом наррации. Открыв, например, что он *испанский король*, Поприщин подчеркивает столь радикальную перемену знакового статуса столь же радикальным изменением датировки своих записей: «*Год 2000 апреля 43 числа*» [3; 207]; «*Мартобря 86 числа. Между днем и ночью*» [3; 208]; «*Никоторого числа. День был без числа*» [3; 210]; «*Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чорт знает, что такое*» [3; 210]; «*Число 1*» [3; 211]; «*Мадрид. Февруарий тридцатый*» [3; 211]; «*Январь того же года, случившийся после февраля*» [3; 212]; «*Число 25*» [3; 213]; «*Чи 34 сло Мц гдао. Февраль 349*» [3; 214]. Абсурдные даты, отражая развитие безумия героя и обозначая вместе с тем и ход времени в гротескной реальности, всякий раз заново маркируют ее хронологические границы.

В «Носе» подчеркнуты «полная абсурдность, иррациональность “потери”, которые производят ошеломляющее воздействие на персонажа» [7; 91]. В «Записках сумасшедшего» речь идет об иррациональности приобретения, превращающего героя, ставшего *испанским королем*, в гротескного дублера последнего; таковым он только и может быть в гротескной реальности. Правда, герой, на которого новый его статус действует таким же ошеломляющим

образом, как на Ковалева утрата носа, не предполагал, что поиски собственной идентичности так неожиданно закончатся для него в искомой *Испании*, где он сталкивается с «чрезвычайно странным» [3; 211] обхождением с ним, вновь низводящим его до положения *нуля*. Под *странным* Поприщин имеет в виду нечто необъяснимое, что с ним происходит, тогда как слово это служит обозначением имманентного свойства гротескной реальности (см. о семантике слова *странный* у Гоголя: [23; 219]), пленником которой ему суждено пребывать. Эта реальность по определению фантастична.

Закрывающая повесть фраза, обнажая резкий смысловой сдвиг в безумном сознании героя, демонстрирует и предельное усиление гротеска как принципа смысловой организации записок: «Матушка! пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?» [3; 214]. Финальное раздвоение поприщинского «я» окончательно закрепляет столь значимую для нарративной конструкции гоголевской повести изоморфность гротескной реальности и нарративного гротеска, что, в свою очередь, подчеркивает специфику фантастического в «Записках сумасшедшего».

Литература

1. Лахманн Р. Дискурсы фантастического / Пер. с нем. М., 2009.
2. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996.
3. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. III. [М.; Л.], 1938.
4. Ревзина О. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя // *Europa orientalis*. Vol. 31. Salerno, 2012.
5. Бочаров С.Г. О стиле Гоголя // Теория литературных стилей: Типология стилевого развития Нового времени. М., 1976.
6. Иваницкий А.И. Символика собаки в «Записках сумасшедшего» и ее литературные источники // Н.В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения писателя. Девятые Гоголевские чтения. М., 2010.
7. Чижевский Д.И. Неизвестный Гоголь // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995.
8. Куюнджич Д. Метод сумасшествия (Гоголь) // Куюнджич Д. Воспаление языка / Пер. с англ. М., 2003.
9. Peace R. Aspects of Gogolian Logic // *Essays in Poetics*. Vol. 29: Gogol special issue in two volumes, vol. II. Keel University, Autumn 2004.
10. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избр. работы. М., 2007.

- 11.Тёлле Р. Психиатрия с элементами психотерапии / Пер. с нем. Минск, 1999.
- 12.Попов Н.М. Лекции по общей психопатологии. Казань, 1897.
- 13.Смирнов И.П. О гротеске и родственных ему категориях // Смирнов И.П. Олитературенное время. (Гипо) теория литературных жанров. СПб., 2008.
- 14.Тамарченко Н.Д. Гротескный субъект // Поэтика: словарь актуальных терминов. М., 2008.
- 15.Атарова К.Н., Лесскис Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 4.
- 16.Бочаров С.Г. Переход от Гоголя к Достоевскому // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985.
- 17.Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004.
- 18.Фаустов А.А. Маленький человек: эпизоды биографии // Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М., 2010.
- 19.Лотман Ю.М. О Хлестакове // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
- 20.Лотман М. О семиотике страха в русской культуре // Семиотика страха. М., 2005.

- 21.Элиаде М. Мефистофель и Андрогин / Пер. с фр. СПб., 1998.
- 22.Пумпянский Л.В. О «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000.
- 23.Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.